

913 (с-м)
М. 82

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

902.7
М 82

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 4



МОСКВА—1928

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

913(с-м)
М-82✓

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

902.7
М82

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 4



Российский Институт культурного
и природного наследия
библиотека

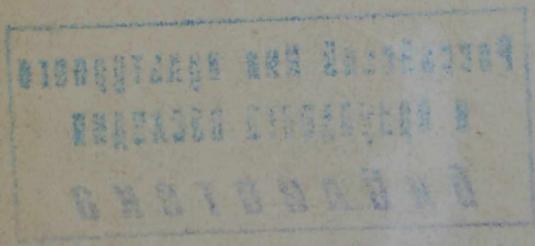
МОСКВА

1928

БИБЛИОТЕКА
И. М. С.
Инв. № 751367 Z

Ответственный редактор
Б. Б. Веселовский.

В редактировании № принимали участие: Н. Н. Гагарина, А. Н. Демме,
Н. А. Дорогутин, И. А. Здановский, Б. Б. Кафенгауз, Н. П. Никитин,
М. Н. Тихомиров, С. П. Толстов, Д. И. Шаховской.



Мосгублит 18728.

Тираж 1000.

Типо-Литография Воен. Акад. РККА им. М. В. Фрунзе. Москва, Зубовская, 14. Тел. 4-79-55.

О культурных задачах массового краеведения ¹⁾.

Товарищи, работа краеведческая разделяется по своему содержанию на три части: первая—работа культурно-историческая—учет того, что сделано в области культуры до наших дней; вторая часть работы—учет данных в области общественных отношений, по экономике каждой области; третий вид работы—учет естественных ресурсов природы, всех элементов природы, опять-таки того или иного района.

Краеведческая работа распределяется по территориям. Каждая область, район, округ, волость имеют своих активных работников, которые учитывают и изучают по вышеуказанным разделам то, что их окружает,—для того, чтобы из этого учета и изучения сделать соответствующие выводы.

Ваша работа, работа низовой статистики, относится ко второму разделу. Вы записываете данные из области хозяйственного развития, экономики, из области общественных отношений, начиная с учета населения, его организации и хозяйственной работы.

Конечно, вы работаете по заданиям статистических органов, вы являетесь низовыми работниками определенного ведомства, но вы должны отдать себе отчет в общекультурном значении вашей работы.

Этим ваша работа ставится в область широкой культурной работы, которая в настоящее время развивается совершенно иначе, чем это было до революции, которая является особенно важной для культурного социалистического строительства. Только активная работа широких трудящихся масс создаст почву для их сознательной работы в деле социалистического строительства.

Итак работа статистика—ведомственная работа, но она в то же время входит в общественно-экономический отдел непосредственно краеведческой работы, она учитывает работу населения данной территории, результаты этой работы и т. д.

Товарищи, краеведческая работа велась и раньше. Но кто ее вел, кто учитывал окружающее действительными методами?

Для того, чтобы строить жизнь, управлять ею, нужно знать и природные, и общественно-экономические, и культурно-исторические элементы, ее слагающие. Весь учет вели земские организации; это преимущественно, культурные слои из среды помещиков, дворян и вообще состоятельных кругов. Они учитывали так, как это нужно было для их государственности, и крестьян в эту работу не вовлекали. Теперь вся работа в руках широких масс. Советы опираются на самостоятельность широких масс, руководить жизнью они могут только постольку, поскольку опираются на трудовые массы деревни и города.

¹⁾ Речь, произнесенная Председателем Центрального Бюро Краеведения т. П. Г. Смидовичем на I-м съезде волостных статистиков Московской губ. в марте 1928 г.

Широким массам и надо учитывать все богатства, — и природные ресурсы, и достижения культуры, и успехи общественно-экономической работы. Крестьянству, широким массам, нужно знать, что их окружает, и как использованы эти природные богатства, что из этих богатств извлекается.

Краеведение из узких рамок работы интеллигенции должно разлиться широко по трудовым массам города и деревни, до волости и сельсоветов включительно. Краеведение, которое нам нужно, на которое должно опираться советское строительство, это — краеведение должно иметь свои ячейки и в деревне, и в волости, и в городе.

Нужно учесть все то, что кругом нас, учесть все силы и возможности для того, чтобы из этих ресурсов и возможностей выявить планы строительства дальнейшей жизни.

Вы видите, что краеведческая работа подходит к самому фундаменту советского социалистического строительства. А для того, чтобы строительство это шло сознательно и планомерно, нужно отдать себе отчет в том, что мы строим и какими силами строим.

Для того, чтобы активно и сознательно работать, нужно учесть наши средства и наши силы. Под советскую активность должен быть подведен фундамент исследованием окружающего нас. Советское краеведение это — краеведение широких масс; эта работа массовых наблюдений, массовых записей. Такая работа даст материал действительно полного учета строительства новой жизни.

Культурной по существу, является та работа, которая, образуя ячейки актива для этой работы, увеличивает этим культурность самого населения. Много говорилось о ликвидации технической неграмотности, чтобы каждый мог читать и писать, но мы должны проводить ликвидацию и нашей научной неграмотности, чтобы каждый умел наблюдать окружающее и записывать свои наблюдения. Уметь наблюдать и уметь это записать — это больше, чем техническая грамотность.

Надо уметь подойти с открытыми глазами к природе, к почве, к камню, к руде, к остаткам прошлого, которых в Московской губ. так много; надо уметь наблюдать зверей, птиц; надо уметь записывать погоду, температуру, ветер, дождь. Все это надо уметь наблюдать и точно записать для того, чтобы это можно было использовать.

Скажу вам несколько слов о наших метеорологических наблюдениях. Вы, вероятно, замечали, что предсказания погоды наших метеорологов часто не оправдываются. Дело это поставлено слабо. Метеорологических пунктов у нас очень мало. Для того, чтобы предсказать погоду, надо иметь густую сеть записей о движении ветра и т. п., а записей этих у нас как-раз нет. Небольшое количество имеющихся у нас метеорологических пунктов передает по телеграфу в Ленинград сведения о движении циклонов и антициклонов; на основании этих сведений в Ленинграде делаются выводы, но так как записей мало, то получаются большие пробелы в картине движения циклонов, что и затрудняет предсказание погоды. Если бы была густая сеть записей температуры, направления ветров и т. д., то получились бы иные результаты, тогда можно было бы почти безошибочно предсказывать погоду, как это и делается напр., в Англии и в Соед. Штатах. Настанет время, когда и мы будем уметь предсказывать погоду!

Мы, строящие новую жизнь, должны внимательно осмотреться вокруг себя, узнать свой район, наблюдать окружающее и тщательно

все записывать. В прошлом этим делом занималась лишь небольшая группа интеллигентов, сейчас этим делом займуться широкие массы трудящихся. Через эту работу массы приблизятся к науке. Что такое наука? Это есть прежде всего навык точно наблюдать, фиксировать и делать правильные выводы из наблюдений. Мы ликвидируем нашу техническую неграмотность, теперь мы должны научиться также делать правильные выводы, вырастая в этой работе до той активности и сознательности, которые нужны для плодотворной советской работы,—для той работы, которая нужна нам для строительства новой жизни.

С этой кафедры вы слышали много призывов, которые указывают вам пути и возможности для самостоятельной и активной работы, для того, чтобы ваша культурность росла, и чтобы вы сознательно брали в руки строительство новой жизни,—для того, чтобы наше Советское государство действительно опиралось на сознательность и активность трудящегося населения, вырастая в громадную, невиданную, несокрушимую силу, которая не может быть поколеблена.

Правильно поставленное дело изучения окружающего нас—краеведение—откроет широкие перспективы будущему росту широких масс, подымет работу до государственного масштаба. Это дает нам несокрушимое убеждение в том, что такая работа создаст ту силу, которую никакая внешняя сила не разрушит.

Вот, товарищи, один из элементов нашей краеведческой работы в низах: учет самими массами всех ресурсов, всех сил и, как часть, учет общественно-экономических явлений, учет населения, выявление организационных форм работы по улучшению благосостояния и т. д. и т. д.

Говорят, что это первый съезд, но это, конечно, не последний. Ваша работа, вливаясь в общее русло советского общественного краеведения, тем самым расширяет ваш кругозор, ваша работа самим Вам представляется уже в другом виде. Вы—часть общего краеведческого отряда работников.

Встает вопрос, как наблюдать, как записывать. Для этого существуют руководства. Ячейки, начавшие краеведческую работу, создали свой актив. В этих краеведческих кружках надо создать маленькие библиотечки, при содействии МОНО. Затем надо при каждом кружке создать уголки краеведения, т.-е. собрать все то, что вы наблюдаете,—растения, ископаемые и т. д. Ваши записи о погоде, наблюдения над животными и птицами, наблюдения в общественно-экономической области вы не только отсылайте, но оставляйте и у себя. Делайте выводы, рисуйте диаграммы посевных площадей и т. д. и т. д. Все эти наблюдения, все эти диаграммы сосредоточивайте в уголках краеведения, как культурно-историческое дело.

Громадное значение может иметь актив в деле охраны природы. Вы знаете, как хищнически еще относятся к лесу и вообще ко всей природе. В деревне культурность еще слаба, многое делается для забавы, а то и для озорства. Краеведческий актив должен поставить себе задачу охранять богатства природы,—лес, зверей, птиц, рыбные богатства.

Краеведческий актив должен охранять также памятники искусства и старины.

Это, поистине, громадная работа, и если широкая масса населения подойдет к ней активно, если она отнесется к этому разумно и внимательно, то все эти богатства не исчезнут и не вымрут. Охрана природы, охрана памятников искусства и старины—наша задача, задача

всего населения, это — ресурсы будущего благосостояния, залог великих успехов в будущем развитии.

К охране природы кружки краеведения должны привлечь детей, комсомол и т. д. Должна быть установлена тесная связь с подрастающим поколением, надо научить его любить природу, любить всякое существо, всякую жизнь. В школах надо провести комплексный метод преподавания. Пока в школах работа, о которой я говорю, не поставлена еще как следует. Школа наша должна строиться на основе изучения окружающей жизни, она должна способствовать тому, чтобы наше подрастающее поколение выросло активными работниками в деле охраны нашей природы, окружающих ресурсов, в деле охраны труда человеческого — памятников. В этом заключается большая работа всего подрастающего поколения. Их активность, их сознательность создадут лучшую почву для будущего громадного строительства.

Товарищи, смотря таким образом вперед, мы можем сказать, что мы идем по правильному, единственно правильному пути, который ведет из мрака невежества, пассивности, по пути повышения активности, культурности к действительно лучшей жизни.

П. Г. Смидович.

Первый в России стекольный завод XVII века.

Революция заставила вновь перевернуть все страницы наших архивов, и это перечитывание в свое время не один раз прочитанных документов дает поразительные результаты. Примеров не мало. Конечно, обращено внимание на производство, до истории которого раньше мало кому было дела, это никого не интересовало, этого нигде не печатали, да и поиски исследователей были направлены в несколько иную сторону.

Вот пример: научная сотрудница Госуд. Исторического Музея Н. А. Бакланова, перечитывая в одном из архивов грамоты XVII века, натолкнулась на грамоту 1634-го года, данную шведу Елисею Копету на пустоши в Гаретовом стане, Духанино и Окулово для производства „древесного угля и постановки склянишных амбаров“. Н. А. Бакланова, бывая часто в г. Воскресенске Моск. губ. на территории прежнего Гаретова стана, знала о существовании вблизи города деревни Духаниной, почему ей пришла мысль обследовать окрестности теперешней деревни, не окажется ли там каких-либо остатков „склянишных амбаров“, т.-е. первого стекольного в России завода.

Составилась небольшая Комиссия, которая на свой страх и риск, субсидированная в сумме 20 рублей Об-вом Изучения Моск. губ., предприняла в сентябре прошлого года разведочную поездку в д. Духанино, отстоящую всего на 8 в. от г. Воскресенска.

Ехали вслепую: ни в центре, ни в местном Воскресенском Краевом Музее никаких сведений о стекольном заводе не было, и когда подъезжали к деревне, не могли прийти к какому-либо решению — откуда начать поиски.

Выручили вездесущие ребяташки. В то время, как старики недоуменно выслушивали наши расспросы, ребята сейчас же заявили: „Ах, стекляшки! мы в них играем, вон у Мореича их в яме сколько хошь...“ Тотчас же, сопровождаемые чуть ли не полдеревней, пошли к яме на усадьбу крестьянина Ив. Ив. Веденева, где на обсыпавшихся краях бывшего погребца (сгоревшего в прошлом году) обнаружили шквару, битое стекло, какие-то стеклянные сосульки, в которых, участвовавший в экспедиции, профессор Госуд. Института Силикатов А. В. Филиппов признал пробные нити и слезки, которые получают при пробах плавки стекла; ни от пожара, ни от каких-либо других причин они получаться не могут.

Но этим наше торжество не кончилось. К нам подошла хозяйка соседней усадьбы Н. П. Иванова и принесла осколок какого-то каменного предмета, подобранный ею на огороде, который, попав в руки А. В. Филиппова, сразу нашел себе определение: „Стекловаренный горшок“ — воскликнул А. В. Дело стало ясно — местонахождение стекольного завода было найдено.

В тот же день, пробыв в дер. Духанино всего два дня, мы возвратились в Москву, захватив с собой добытые доказательства, и начали хлопотать о более длительной экспедиции и более щедрой ассигновке.

Вновь выехали в середине октября, но успели из-за непогоды и отсутствия достаточных денежных средств заложить только разведочную контрольную траншею размером в $21\frac{1}{2}$ метр. и глубиной от 15 до 60 ст. Траншея была заложена на серединной усадьбе бывшего завода, площадь которого охватывала пять смежных теперешних усадеб, что мы выяснили при помощи шурфов и шупа, и пришлось опять на усадьбу И. И. Веденева, проходя мимо старой погребной ямы.

Результатом этой недолгой, но трудной работы, была добыча более $2\frac{1}{2}$ тысяч предметов, характеризующих производство. Мы обнаружили: сырье в виде комового песка, типа Люберецкого, обычно употребляемого при стекловарении; печной припас и строительный материал в виде кусков стекловаренных горшков (151 кусок), кусков огнеупорного печного припаса, кусков желтого кирпича, кусков красного кирпича; остатки стеклянной продукции в виде квадратных и круглых днищ стеклянной посуды, горл скляниц, осколки плоских и выгнутых стекол, тоже с оплавленными краями и пр.; отброски и остатки производства в виде кусков шлаков—шквары, кусков зарухшего стекла и смальты, слезок, нитей (262 штуки), набели (стекла с отпечатками выдувных трубок), кусков угля и пр.

Особенно важным является обнаружение кусков стекловаренных горшков, секрет приготовления которых не разгадан до сих пор и до сих пор наши стекольные заводы продолжают изыскания подходящего для горшков материала. До войны и революции мы пользовались заграничной глиной, преимущественно кассельской, теперь приходится ограничиваться гжельской, а потому анализ найденных остатков, признанных высокого качества работы, может дать полезные указания для теперешнего производства.

Очень интересными являются днища и горла скляниц (аптекарских), по которым можно воссоздать вид этой посуды XVII века, а также интересны осколки оплавленного по краям плоского стекла, вероятно, первого оконного стекла, заменявшего слюду и пузырь. Любопытно отметить, что Койэт при открытии завода получил монополию на производство посуды сначала на 15 лет, потом на 10, т.-е. монопольно производил стеклянную посуду до 1659 года и только после этого в России были открыты другие заводы. Случаи предоставления монополии частным лицам в XVII веке вообще чрезвычайно редки.

Результаты раскопок в настоящее время помещены в витрине одной из зал Исторического Музея на выставке: „Быт Московской Руси 16 и 17 веков“ и в Кабинете Краеведа в Ц. Доме (Леонтьевский пер., д. 4).

Весной при достаточном ассигновании работы могут быть продолжены.

П. Миллер.

Изба „пряха“ и „непряха“ Московского края ¹⁾.

Для истории развития великорусской избы большое значение имеет вопрос о плане избы и о месте, занимаемом в нем печью, т. к. печь вообще является важнейшей частью избы, и от ее положения зависит не только распланировка внутреннего жилого помещения где каждая лавка и угол имеют вполне определенный смысл и название, но даже двора и усадьбы. Действительно например, в северной части Московской губ. (Дмитровский у.), где господствует тип изб, стоящих изолированно друг от друга под общей крышей с двором,

боковые стены избы, свободные от печи и нередко снабженные окном, оказываются обращенными в проулок, а двор находится на стороне печи. Замечаются избы, имеющие двор как с правой, так и с левой стороны. При „левом плане“ избы,

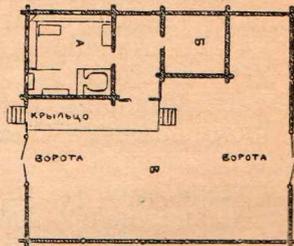
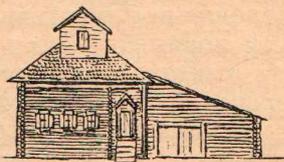
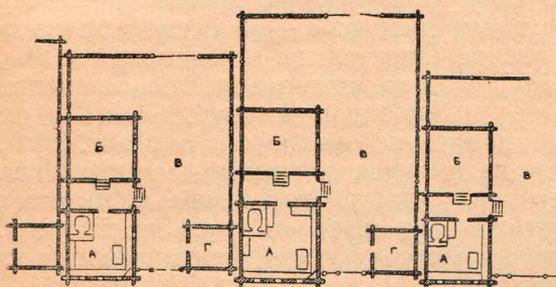


Рис. 1. Схематич. рисунок избы-пряхи нового типа и план избы Дмитровск. у. Моск. губ. г. Телешово. Из полевых работ Б. А. Куфтина 1920 г.

т. е. когда печь слева, план двора будет „правый“, т. е. двор справа и наоборот (См. рис. 1). Идя по такой деревне, можно уже знать по положению ворот с улицы, где у такой-то избы находится печь, справа или слева от входной двери. Та же зависимость, но обратная, между планами жилых изб и планами дворов замечается и на севере Рязанской губернии, где избы ставятся на улице сплошным рядом без промежутков с двором

рядом без промежутков с двором сбоку (двойная связь); стены, свободные от печи обращаются в сторону двора, так что боковое окно прорубается или на двор или вне двора, в сторону ворот, глухая же стена с печью выходит к



- А — изба.
- Б — горница.
- В — двор.
- Г — конюшня.

Рис. 2. Схематический план расположения дворов и печей на севере Касимовского уезда, Рязанской губ.

чужой усадьбе. При этом замечается местами, например, в Выркове Касимовского у. Рязанской губ., что на одной слободе улицы все

¹⁾ Настоящая статья была подготовлена для журнала „Этнографическое Обозрение“ и сдана в редакцию журнала, в июле 1923 года. Статья не была напечатана вследствие прекращения журнала. Настоящий доклад был заслушан 21 марта 1928 на соединенном заседании Культурно-Исторической Секции Об-ва Изуч. Моск. Губ. и этнологической Ком. Государств. Академии Истории Материальной Культуры.

и решетчатые (2). Кроме того, обнаружены остатки от грубой шерстяной ткани, кожи, куски коры, пряди темно-русых волос и обломки глиняной посуды.

Вообще, обнаруженные предметы вообще распространены в северной части Москов-

ской губ. и являются характерными для славянского племени кривичей, колонизовавших этот край, и могут быть отнесены приблизительно к XII—XIII в. в. нашей эры.

А. Ф. Дубынин.

Археологические раскопки близ ст. Икша и на р. Уче Моск. губ. в 1927 г.

Около ст. Икша Савеловской ж. д. мною был обследован разрушенный разработками гравия могильник Фатьяновской культуры (III тысячелетие до Р. Х.). Удалось восстановить потревоженное шахтой погребение, залежавшее в гравиевом слое, на глубине 6 ар. от поверхности. От погребения сохранилось: три круглодонных, высокошейных, типично фатьяновских сосуда (из них 2 утеряны находчиком), глиняная „ложка“ и обломки черепа.

В окрестностях сел. Кузнецовки, Пушкинской вол., на р. Уче мною были раскопаны 10 курганов в 3-х курганных группах. В сохранившихся шести погребениях были открыты костяки 3-х мужчин и 2-х

женщин, лежавших на горизонте (4) или в яме (1), головой на запад, вытянуто, на спине, с руками, согнутыми в локте, кистями на груди (4) или протяннутыми вдоль тела (1).

Найдены вещи: височные кольца, браслетообразные завязанные, пластинчатая, изящно орнаментированная гривна, спиральный браслет; подвеска к онучам в виде петушка, лировидная пряжка и сосуды с типично славянским орнаментом и клеймами указывают на культуру кривичей, колонизовавших северную часть Моск. губ., и могут относиться к XII веку.

С. В. Киселев.

Археологические раскопки в Можайском уезде в 1927 году.

С 8-го Июня по 1-ое Июля 1927 года включительно, продолжая начатые еще в прошлом году работы по изучению истории заселения нашего Края, Можайское Об-во изучения Местного Края и Музей, совместно с Государственным Историческим Музеем и Научно-Исследовательским Институтом Археологии и Искусствоведения, производили раскопки курганных групп по реке Протве в пределах Борисовской волости и городища „Пустого“ Бородинской волости, частично разрытого местным Об-вом Изучения Края еще прошлым летом¹⁾. Средства на указанные археологические работы были отпущены вышеуказанными организациями и учреждениями гор. Можайска и центра Дело исследования всемерно поддерживалось местным У исполкомом, Виками и УОНО. Раскопками руководил археолог-специалист, сотрудник Московского Исторического Музея А. В. Арциховский. Непосредственное участие в работах приняли от центра: аспирант Раиона А. Ф. Дубынин и студент археолог I М.Г.У. В. В. Карцев, а от Можайска местные краеведы руководители культурно-исторического и природоведческого отделов Местного Музея и Общества.

Экспедиция началась маршрутом снизу вверх по течению р. Протвы, одной из важнейших местных водных артерий, почти от самого гор. Вереи, в пределах однако бывшего Старо-Можайского уезда. Первой взята была в глухом старом лесу на правом берегу названной реки, против дер.

¹⁾ См. доклад А. В. Арциховского: „Бородинское городище“, заслушанный в Культурно-Исторической Секции Об-ва Изучения Московской губ. 9-го февраля 1927 года.

Мерчалова, почти целиком Митяевская группа из 11 курганов. Из указанного общего числа курганов группы были разрыты экспедицией 10, давшие в совокупности 15 характернейших погребений славянского племени вятичей, населявших наш край на заре местной истории в XII—XIV веках нашей эры. Похороны того времени, как выяснили раскопки, сопровождалась общею тризною здесь же на могилах (углистый и зольный слой, всюду встреченные в курганных насыпях). Покойники в подавляющем большинстве (в 9 курганах) лежали в ямах несколько ниже линии горизонта и только в одном случае экспедиция имела образец положения на горизонте (курган № 8). Костяки вытянуты на спине и лежат головами на запад, юго и северо-запад, сообразно времени их погребения по временам года („на зимний и летний восход“). Здесь и мужчины и женщины и дети обоюго пола. Мужские погребения обычно бедны вещами и лишь иногда сопровождаются отдельными предметами, вроде тонкой медной спирально-изогнутой пружины у пояса, треугольных ножей из железа у рук или черепков погребальных горшков, обычно ставившихся с пищей возле покойника для нужд загробного их обихода. Уцелевшие отдельные куски керамики покрыты характернейшими славянскими линейными и волнистыми орнаментами и показывают, что горшки того времени делались уже на гончарном кругу. Женские, а в отдельных случаях и детские, погребения гораздо богаче вещами, характеризующими культуру наших предков, тех самых, которые, по словам летописца, „зверным образом живяху“. Среди вещей, сопровождающих погребения, найдены главным образом украшения: здесь и височные

кольца, и бисер, и бусы, и разнохарактерные браслеты и перстни, обломки шейных гривн, привески, лировидные поясные пряжки, пуговицы, а иногда и кресало (прибор для высекания огня). В отдельных случаях сохранились кусочки гробов и куски шерстяной ткани одежды покойниц. Богатейшими из разрытых являются женские погребения 4 и 8 курганов группы, давшие предметы не только характеризующие племя, но и точно датирующие время погребений. К числу таких вещей прежде всего нужно отнести два семиллопастных височных кольца из меди и серебра погребения 8 кургана и вариацию их в погребении 4-го трехлопастные, (так же медное и серебряное) височные кольца ажурной работы. Первые, как известно, датируются XII, а вторые XIV в.. Характерно, что височные кольца в обоих случаях встречены у правого виска покойниц, а медные у левого. В 8 кургане кроме того найден медный перевитый браслет и три медных же решетчатых перстня. Упомянутые уже трехлопастные височные кольца вообще редки и встречены в курганных погребениях до того дважды: с. Никулинского (Коломенского уезда) при раскопках проф. А. П. Богданова и с. Никонова (Подольского уезда), при раскопках А. В. Арциховского. Кроме указанных они известны по коллекции Брокера и в кладях: Белевском (Тульской губ.) и Лихвинском (Калужской). Разнообразие других предметов, сопровождающих погребения Митяевской группы, а равно их материала и форм чрезвычайно велико: здесь и разноцветный мелкий бисер из стекла, и разнообразных цветов бусы из сердолика и хрусталя, шаровидные, зонные, бипирамидальные, многогранные привески из мелких просверленных морских раковин у шеи (доказывающих быть может, что наши предки торговали с приморскими странами), медные топорикообразные у ног, височные перстнеобразные кольца, медные широко-срединные кольца, медные же сомкнутые и разомкнутые браслеты зубчатые, ложнозубчатые и рубчатые.

Исключительный интерес представляет находка в погребении подростка-женщины 14 лет первого кургана пяти одно и двухсторонних известняковых плиточек—форм для отливки медных украшений. Для курганов это у н и к а, так как до сего времени в курганных погребениях они где бы то ни было не встречались. Известны отдельные их находки лишь на славянских городищах. Рисунки литья этих формочек: кресты (четырёх-конечные) с шарообразными утолщениями на концах (подобные встречены проф. В. А. Городцовым в городище „Старая Рязань“) и без них, восьмерки, восьмерка с крестом и зигзагом, трехбусенное кольцо и монетообразный. Все вещи курганных погребений, по договоренности с представителем центра, поступили ныне в Культурно-Исторический

Отдел Можайского Музея Местного Края и открыты для обозрения.

Далее экспедиция двинулась вверх по Протве и раскопала 3 кургана группы у слияния рек Мжута и Протвы под дер. Коровино, а затем поднялась еще выше к „курганообразным“, как их называет проф. А. П. Богданов, „насыпям“ дер. Власово, где также исследовала три холмика из упомянутых насыпей на усадьбах крестьян. К сожалению, и в том и в другом случае экспедиция в своих поисках потерпела неудачу. Погребения Коровинских курганов не сохранились за сыростью почвы, а курганообразные насыпи Власова были в своем содержимом попрежнему, как и во времена раскопок проф. А. П. Богданова, память о которых еще доселе жива среди местных сторожил, загадочно немые и указывали лишь на громадное число огней, которые, видимо, когда то зажигались на них.

В заключение маршрута экспедиция передвинулась на Бородинское поле и приступила к проложению поперечной траншеи, перпендикулярно секущей по 19-му участку продольной, прорытой на городище еще в прошлом году. Труды исследователей здесь дали богатейший, дополнительно к прошлогоднему, материал для выяснения культуры насельников городища финнов 2000 лет тому назад. В результате раскопок городища в текущем году собраны богатейшие коллекции из 100 вещей и свыше 20.000 костей и обломков керамики. К изложенному уже в докладе А. В. Арциховского о городище в прошлом году и к статье моей в местной газете „Новый Пахарь“ (от 17 Июля 1926 г., № 28), можно добавить ныне, что городище было, видимо, обитаемо никак не менее 250 лет, и что жилища-землянки его (новых встречено в этом году 2) вырывались насельниками не только прямо в грунте, т.-е. при заселении, но и в культурном слое, т.-е. гораздо позже начала его бытования, что было прослежено экспедицией в этом году по лодкообразным песчаным прослойкам. В жилищах этих, у самого почти центра их, находились сложенные из камней очаги, сплошь заваленные вокруг костями животных, съеденных обитателями городища. Снова длинную вереницей перед исследователями прошли в текущем году новые находки: серпы (3 целых), глиняные грузики Дьякова типа с богатейшим орнаментом и без него, иные грузики, не встреченные в прошлом году, с бесконечными вариациями их типа, размеров и орнаментировки, железные и костяные ножи, иглы, шила, к о ч е д ы г (уника), каменные и глиняные пряслица—зонные, битрапециондные, гладкие, зубчатые, необычайного типа, единственное в своем роде, глиняное цилиндрической формы пряслице с двумя зубчатыми валиками, миниатюрные глиняные сосудики, частично с орнаментом (отличие от прошлогодних), просфоровидные грузики, не встре-

ченные также в прошлом году, шаровидные глиняные бусы, круглые и пружинные железные браслеты, точильные камни и мусаты, оригинально-орнаментированная бронзовая пластинка, медный прорезной миниатюрный колокольчик (типа Ломнинского, Огубского и Боровихинского городищ), медная круглая прорезная бляшка курганного славянского типа (раскопки проф. А. П. Богданова на территории Можайского уезда), предмет, кажется, совершенно необычайный для городищ Дьякова типа; каменные Огубского типа утюжки, кремневое обитое у краев долото, почти целый вылепленный от руки большого размера сосуд из глины; железное перстнеобразное височное кольцо, миниатюрный глиняный грузик, типа найденных Гендунэ в Топорке

и Городцовым в Кашире; костяные стрелы всех форм, огромное число кусков керамики, варьирующее и дополняющее по орнаментировке своей большую коллекцию прошлого года. Экспонаты раскопок городища поделены между Московским Историческим и Местным Краевым Музеем и выставлены в последнем для обозрения.

За время работ экспедиции раскопки посещали многие крестьяне деревень Семенкова, Митяева, Мерчалова, Коровина, Власова, Горок и сел Борисова и Бородина, которым участниками экспедиции давались объяснения. В Митяевской школе, кроме того, по просьбе самих крестьян, А. В. Арциховский дважды читал лекции о раскопках.

Н. Власьев.

Библиография.

Н. К. Пиксанов: Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинарий. Введение в изучение. Темы для культурно-исторических краеведных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы.

Приложение: указатель словарей местных деятелей. Госиздат М. 1928. Стр. 148. Ц. 1 руб. 60 коп.

Книга Н. К. Пиксанова — ценное приобретение для краеведческой литературы и ее методологии в области изучения культурных влияний, литературы и искусства.

Автор считает местный „областной принцип мышления“ — необходимым для надлежащего локализованного краеведческого изучения предмета в связи с этим и приобретает для всякого краеведа важное значение вопрос об изучении ныне уже исчезнувших или быстро исчезающих культурных гнезд С.С.С.Р. где главным образом и воспитывалось такое мышление разившееся впоследствии и в краеведческий подход к окружающему.

Основные интересные темы затрагиваемые и часто очень удачно разрешаемые книгой, это: взаимоотношения центра и областей на Западе и в России, развитие областного метода в русской литературе и истории, влияние больших городов на культуру и т. п. ряд тем.

Самыми главными являются однако для автора три основных темы: а) определение понятия (впервые выдвигаемого автором данной книги) „культурного гнезда“, б) перечень гнезд и анализ их культуры и в) учет влияния их на обще-русскую культуру.

„Культурным гнездом назовем, говорит автор, не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное единение их между собою, некоторое органическое слияние“...

„Только сочетание подобных элементов в единении живых деятелей, создает культурное гнездо“.

Таким образом „культурное гнездо“ в собственном точном смысле „должно обладать... тремя постоянными признаками. Определенный круг деятелей, постоянная деятельность и выдвижение питомцев.

Далее автор настаивая на необходимости „энергично произвести районирование старой культуры“ — дает нам примерный выборочный ряд таких гнезд, оказавших сильное влияние на развитие окружавшей их областной жизни. Этим заканчивается

первая теоретическая часть книги. Во второй практической части автор приводит список тех пособий какие помогли бы краеведу обнаружить у себя такие гнезда и воссоздать картину их деятельности. К числу подобных пособий он относит такие работы как словари местных деятелей, краевую библиографию, архивоведение, синхронистику и т. п. не называя однако, важной здесь, картографии гнезд.

Укажем теперь некоторые пробелы и неточности которые хотелось бы устранить; так в главе о развитии Областничества на Западе почему то пропущена Англия — пропуск ничем не мотивированный. Нет ряда работ о провансальском движении. В главе о русском областничестве даже не упомянут такой видный деятель украинского областничества (в особенности литературного и культурного) как Драгоманов. В перечне тем почему то опущена Тамбовская губ., где именно такие гнезда очень часты. Точно также ничем не может быть оправдана недостаточная разработка вопроса о Кавказе и его роли в русской культуре и искусстве.

Наблюдается ряд крайне досадных неточностей и в библиографии, иногда скорее затрудняющих работу краеведа, чем ей содействующих. Нет годов и издателя при цитир. соч. Белинского. Не проведено различия между старым и новым изданиями Энци. словаря Брокгауза и Эфрона и новый вообще использован очень мало. Нет указаний на работу А. В. Мезиер: „Русская словесность“ (ч. 1 и 2), в. очень капитальную и совершенно необходимую в данном случае. Совершенно недостаточно использована местная краеведческая литература и краевая особенно по г.г. Костромской, Рязанской и Тамбовской и Иркутскому гнезду.

Все вышеуказанные пробелы нисколько не умаляют чрезвычайно большого значения этой книги оригинальной глубокой и затрагивающей ряд совершенно новых вопросов краеведческой работы.

К. Сперанский.

„Бронницкий уезд“ Экономический сборник с рисунками в тексте и приложением карты уезда. Изд. Брон. У. И. К. А. М. 8-ое, стр. 385, 1928 г.

Рассматриваемая нами книга принадлежит серии сборников описаний уездов Московской губ. До сих пор мы имеем 14 уездов выполнивших эту работу. Брон-

ницкий уезд 15-ый. Таким образом у нас остается два уезда для полного охвата губернии. При таком положении дела, имея перед собой уже большой опыт, сборник Бронницкого уезда мог дать такую работу, которая наиболее необходима для работы местных школ, учреждений и т. д. Нужно отдать справедливость составителям рассматриваемого сборника, что они это дело выполнили вполне добросовестно. Структура сборника, так сказать его архитектура, повторяя уже выработавшийся инвентарь разделов дает и свое собственное. В первые к обзорам уезда привлечен материал о научных учреждениях уезда; их работе, достижениях и т. д., чего до сих пор не было, и что конечно является громадным минусом. Необходимо в таких обзорах—сборниках давать уезд целостным явлением, а не только работу и деятельность местного Совета. Рассматривая в отдельности главы сборника хочется отметить работу Б. С. Белокурова по истории Бронницкого уезда, интересную по подходу к истории уезда и дающую канву для оформления края как краеведного организма. В статье сел-хозяйства дается не только описательный и цифровой материал по статике и динамике сел-хозяйства, но и подводятся итог изучения сел-хозяйства в виде попытки районирования уезда также в динамике. Эта часть работы особенно интересна. Цифровой материал в этой статье, а равно и в остальных дан чрезвычайно не равномерно. Если в одних исходной точкой берется 1861 г., то в других 1917 г., есть даже 1924 г. Казалось бы в таком сборнике надо договориться до одной какой-либо даты и с ней вести исчисления. Иначе получается впечатление разнокалиберности.

Большое количество иллюстраций увеличивают ценность книги. При чем иллюстрации, диаграммы и карты даются не случайно, а в целостной последовательности.

Книга по Бронницкому уезду безусловно интересна и появление ее надо безусловно приветствовать. Хороший шрифт, бумага и хорошо смонтированная обложка выделяют ее из ряда наших провинциальных изданий.

Н. Елагин.

„Материалы к изучению флоры и фауны Центрально - Промышленной Области“. (1-ое совещание биологов Ц.П.О. при Гос. Музее Ц.П.О. 31 марта—1 апреля 1926 г.). Издание Гос. Музея Ц.П.О., под ред. Н. В. Шибанова, стр. 50, М. 1927 г. Цена 1 руб.

Выпуск содержит авторефераты 11 заслушанных на совещании докладов, полный доклад покойного Л. И. Гиршфельда с предисловием Б. М. Житкова, протоколы и пожелания совещания.

Из числа заслушанных докладов лишь один, а именно доклад Н. В. Шибанова: „К фауне млекопитающих птиц Орехово-Зуевского уезда“ непосредственно отно-

сится к Московской губ. Доклад С. С. Гемельмана („Сравнительная характеристика колеоптерологической фауны Переяславль - Залесского уезда с фауной Московской и Ярославской губернии“) отчасти касается Московской губ., два доклада: А. А. Уранова (о некоторых очередных задачах геоботанических исследований Ц.П.О.) и П. В. Терентьева (обзор фауны пресмыкающихся и земноводных Ц.П.О.) трактуют интерес исследовательского дела в масштабе области, а остальные 7 докладов касаются вопросов исследовательского дела в соседних губерниях.

Несмотря на краткость публикуемых материалов нельзя не приветствовать издание настоящего выпуска, но вместе с тем приходится отметить чрезмерную дороговизну издания.

А. Левицкий.

„Промышленное огородничество Богородского уезда“. Составлен агрономом Н. С. Титовым, под редакцией проф. Рытова. Издание Богородского Научно-Педагогического Института Краеведения. Серия Сельского Хозяйства Вып. 1. Москва, 1927 г., 31 стр. Цена 30 коп.

Богородский Научно - Педагогический Институт Краеведения выпустил брошюру: „Промышленное огородничество Богородского уезда“, которая с достаточной подробностью анализирует и характеризует положение и состояние пригородного огородного хозяйства, как в его историческом, так и экономическом разрезе.

Брошюра разделена на главы, касающиеся общих вопросов огородничества: способы обработки почвы, севообороты, описание частных культур, вредители и болезни огородных растений, уборка и хранение.

Не безынтересно отметить главу об урочном положении важнейших работ в огородной культуре, а также о бюджете огородника Богородского уезда. Книгу нужно считать полезной и приветствовать, как такое начинание, которое должно побудить краеведа заняться изучением сельского хозяйства.

А. Данилова.

„Московский уезд“. Население по предварительным итогам переписи 17 Декабря 1926 г. Изд. Московского Уисполкома. М. 1927 г. 122. стр

Настоящее издание представляет предварительные итоги только численности населения Московского уезда, с разделением по полу, далеко, таким образом, не охватывая всех тех признаков, по которым изучалось население в последнюю перепись. Однако и в таком объеме приведенные в настоящей публикации сведения представляют большой интерес. Прежде всего нужно отметить, что большая часть книги (стр. 30—113) представляет справочник—поволостной список населенных пунктов с указанием: к какому сельсовету данный пункт относится, какого он типа (село, деревня и т. п.), число дворов (отдельно крестьянских и

прочих), численность населения—всего и отдельно не крестьянского (с разделением по полу), наконец, расстояние от сельсовета, ВИК'а Москвы, ж.-д. станции и шоссе. Такой обстоятельный справочник может, помимо своих непосредственных целей, сослужить службу и для других целей, в частности для краеведческих работ. В конце книги приложен алфавитный указатель главнейших населенных пунктов; в список повидимому вошли все пункты, имеющие самостоятельное название (имя). Остальные 29 стр. представляют текст, состоящий из краткого введения, главы под названием „подготовка к переписи и условия ее проведения“ и, наконец, кратких выводов из сводных таблиц, приложенных к тексту. Выводы—наблюдения чрезвычайно любопытны. Отметим только некоторые. Московский уезд самый населенный в губ. Средняя плотность в нем 143,5 чел. на кв. км. Наиболее густо заселены волости, примыкающие к Москве с юга (Ленинская—238), ю.-востока (Ухтомская—254) и с.-востока (Пролетарская 305); (волости, далеко расположенные от Москвы—редко населены) (Бедняковская—39,5). Указанные волости прорезаны главными ж.-д. магистралями и наиболее промышленны, что подтверждается и высоким % не крестьянского (не сельскохозяйственного) населения, напр. в Пролетарской вол. на 100 наличных крестьян приходится 63 прочих (читай—рабочих, служащих) жителей. Таким образом Московское „окружение“ в высокой мере потеряло сельско-хозяйственный облик. Население уезда растет очень быстро, при чем с особенной силой растут города и поселения городского типа: первые выросли сравнительно с 1920 г. (предшествующая перепись населения) на 91, 1%, вторые на 84,5%, а некоторые отдельные поселения городского типа выросли втрое (Ново-Гиреево), вчетверо, впятеро (Тайнинская), даже в семь раз Михельсоновский поселок, а из городов особенно быстро растут—Люберцы, Щелково, Кунцево и Мытищи. Москва уже вышла за свои „естественные“ пределы и отдельными языками (города, посел. городского типа) далеко врезалась вглубь Московского уезда. Рассматриваемая публикация представляет несомненный интерес, нужно только пожелать, чтобы возможно скорее появилась публикация возможно полной разработки всех данных переписи не только Московского уезда, но и всех остальных уездов Московской губ. Для краеведов это был бы настоящий подарок. Работа выполнена под руководством Завед. Уездным Статбюро А. Н. Демме (им же написан и текст). К книге приложена картограмма плотности. Я. Артюхов.

И. Емельянов. „Поездка крестьянина в Москву“. Путеводитель в дороге и по Москве. Гос. Издательство. Москва—Ленинград. 1927 г., стр. 93. Ц. 20 к.

В введении автор совершенно справедливо указывает, что „до сего времени не было из-

дано книжки, которая помогла бы крестьянину, впервые желающему ехать в Москву, узнать, что можно увидеть в Москве и чему поучиться...“ (стр. 4), и рекомендует „не упустить осмотреть самые замечательные музеи и выставки Москвы...“ (стр. 4). „Надо от поездки в Москву получить все, что только возможно и для себя и для своего села“ (стр. 5).

„А для этого следует внимательно прочитать этот справочник“ восклицает автор (стр. 5).

Что же прочитает в нем крестьянин, едущий впервые в Москву? Например, в главе „Что надо смотреть в Москве“ при описании Кремля (стр. 39) говорится: „Стены Кремля достигают местами ширины более 3 метров. Зубцы на них высотой в несколько метров. Башни и ворота Кремля—лучшие образцы древнего московского строительства и благодаря им. Кремль является лучшим украшением Москвы“.

Ни с одним из сведений приводимых автором, согласиться нельзя. Стены Кремля шириной не 3 метра, а 3 сажени, т.-е. вдвое шире; зубцы высотой 2 метра, т.-е. никак не выше ширины стены. В самом Кремле есть сооружения более древние—Грановитая палата, Успенский собор—лучше характеризующие московское зодчество, чем стены, внешние формы которых занесены из Италии. Кстати, на той же странице говорится, что надстройка над Спасской башней поставлена в 1621 г., тогда как эту надстройку—шатер, названную почему-то стрельчатой вышкой, возвел англичанин Аристофор Ганловой в 1624—25 г.г.

Указывая на музеи—Революции, Политехнический, Ветеринарный, Сахарной промышленности и Кустарный, автор совершенно не упоминает ни об Историческом музее—музее русской культуры, ни о Коммунальном музее—музее городского хозяйства. С последним надо обязательно знакомить приезжающих крестьян. Благоустройство города, как поселения, должно интересоваться и должно затронуть жителя деревни; это ознакомление должно послужить одним из звеньев смычки города с деревней.

В Справочном Отделе помещен список театров и пр.

Путеводитель „советует побывать“ в следующих театрах: в Художественном, в театре Революции, Московском Драматическом имени МГСПС, при чем характеризует спектакли в театре Революции очень интересными, а в Драматическом—все интересны и, наконец, рекомендуется Театр имени Мейерхольда.—Особенно интересна пьеса „Рычи Китай“. Цены местам от 40 коп.

О вкусах не спорят, но о пользе тех или иных театральных зрелищ спорить можно.

Теперь несколько слов о досадных неточностях. Адрес Балтийского (Виндавского) вокзала указан на 1-ой Гражданской улице, а не на 1-ой Мещанской. Гражданские улицы в предместье Москвы—Богородском (стр. 16).

При объяснении плана Москвы (стр. 17) сказано: „многие переулки носят одинаковые названия. Например, есть Знаменский переулок в районе Знаменки и есть Знаменский переулок в районе Варварки“.

В настоящее время одноименных проездов в Москве нет, они ликвидированы особой Комиссией по переименованию улиц в 1923—24 г.г. и Знаменские переулки на Варварке переименованы, Большой в Елецкий и Малый в Максимовский.

На стр. 49 сказано, что Бутырский хутор находится тотчас же за Бутырской заставой, тогда как от Бутырской заставы (у Савеловского вокзала) он крайней мере в 2½ километрах.

(Книжка украшена несколькими штриховыми рисунками, но обещанной в заголовке карты железных дорог почему-то не приложено.

Издание полезно и нужно, но его надо переработать. Тираж его скромный, всего 15.000 экземпляров.

А. А. Никулин. Кольцо „А“ „Юмористические рассказы“. Кинопечать. Москва—Ленинград. 1927 г., стр. 35. Цена 25 коп.; тираж 10.000.

Каждого может соблазнить обложка: план части Москвы, окруженный трамвайным кольцом „А“. Но кроме этого плана, истративший четвертак больше ничего не получит.

Книжка пустая и ненужная.

Управление музеями-усадьбами и музеями монастырями Главнауки Н.К.П. выпустило ряд книжек, не только показав этим возможность такого обильного издательства, но и доказав, что оно необходимо и полезно и вполне достойно подражания. Но, увы, это было лебединой песней управления, т. к. оно ныне ликвидировано.

Но книжки остались и сказать о них несколько слов необходимо:

1) **„Симонов монастырь“ очерк В. И. Троицкого и С. А. Торопова.** 1927, стр. 37. Ц. 25 к., тираж 1.000.

Книжка хорошая, но ее портит двойное авторство: и совершенно непонятно почему издательству понадобилось это сделать, когда каждый из названных авторов самостоятельно написал бы прекрасную книжечку о Симоновом мон-ре. Зная авторов, читая книжку, сейчас же узнаешь, что писал один и что прибавил потом другой. Сделали книжку вроде пирога; правда, очень вкусного, в нем хорошо и тесто и начинка, но что хорошо для пирога, не совсем подходит для книги и потому к двойному авторству следовало бы прибегать в крайних случаях. В книжке две иллюстрации. К недостаткам книжки надо отнести отсутствие некрополя.

2) **„Остафьево“.** 1927, стр. 21. Ц. 20 к., тир 10.000.

Собственно, описан только дом, музей и чуть чуть парк, так что правильней было бы озаглавить „Остафьевский дом“ и это тем более удивительно, что для описания

усадьбы, как таковой, в Остафьеве имеется громадный материал. Кто был в О-ве на докладе П. С. Шереметева о фабрике в Остафьеве, тот это конечно знает и, конечно, очень жаль, что этот материал использован всего в двух коротеньких фразах.

Есть в книжке и недочеты. Напр., на стр. 4, говорится, что с. Никульское (в районе которого находится Остафьево) упоминается в духовной в. к. Владимира Андреевича Московского (1410 г.), какового вообще не было, т. к. пока был известен Владимир Андреевич Серпуховской, умерший в 1410 году. Впрочем по историческим данным Остафьеву вообще не везет. Напр., в очерке А. Н. Греча „Остафьево“ в вып. 3. Подмосковные музеи. Госуд. Издательство 1925 г. напечатано (стр. 9) буквально следующее: „название Остафьево упоминается в истории уже в эпоху образования Московского государства. Впервые встречается оно в XIV в. в духовной Калиты, позднее в духовной Дм. Донского. В течение почти семи столетий за селом остается его прежнее название...“

Здесь хромает и арифметика и история и хронология. Еще одним из недочетов книжки надо считать пестроту в указаниях лет рождения и смерти лиц, упоминаемых в очерке. У одних есть, у других нет. Почему, напр., нет годов у имен таких мастеров как П. Ф. Соколов, Гау, Гампельн, (стр. 15) а у Пиклера и Марчанта есть (стр. 9)?

Книжка украшена 4-мя иллюстрациями.

3) **„Кусково“ очерк К. В. Сивкова.** М. 1927. Стр. 39, ц. 25 к., тираж 3.000.

Ничего нового книжка не дает. Все также как и раньше, постройка „большого дома“ отнесена к 70 м. годам XVIII в. и так же, как и прежде, она приписывается проекту французского архитектора де Валльи, тогда как изыскания В. К. Станюковича устанавливают постройку дома начало 50 г.г., а участие де Вилльи по словам того же исследователя выразилось в проекте фасада теперешнего дома и то только по преданию, т. к. имя де Валльи в архивных документах пока не встречено.

Страницы 14, 15 и 28 задерживают внимание тем, что на первой из них мы читаем... „в дни торжеств медленно въезжали под крышу фронтона...“ на 15 стр. говорится, что у нас (в России) в XVIII веке не было разработок мрамора, а на 28-ой стр. сказано: „у окон на подзеркальных подстолях небольшие мраморные фигуры“.

Не лучше ли было бы вместо фронта, употребить слово портик, а разработки мрамора нашего местного, например, Подольского или Мячковского (на Пахре), велись с покон веков, как говорится. В отдельности можно представить себе и подзеркальник и подстолие, но вместе, да еще у окон, трудно.

Но это пустяковые шероховатости, которые несколько не умаляют значение и качество вполне нужной и интересной в чтении краткой истории, так хорошо всем

знакомой подмосковной. Книжка украшена тремя иллюстрациями.

4) „Архангельское“. Очерк С. А. Торопова. М. 1928. Стр. 57, ц. 40 к., тир. 1.000 экз.

Прекрасный очерк, украшен тремя иллюстрациями. Восторженный рассказ автора иногда прерывается слишком оригинально составленными фразами, которые перебивают внимание, отчего несколько теряется впечатление. Напр., на стр. 19: „постройку бельведера в 1817 г. можно объяснить желанием придать зданию особую торжественность и впечатляющий силуэт...“, или на стр. 22: „Два камин—пьедестала, украшенные скульптурой, предназначались не столько для обогрева комнаты, сколько для гулявших или прибывавших гостей“, или на стр. 25: „однако, на плане де Герна еще почти все залы показаны жилыми...“; или еще на стр. 55: „Уцелела еще очень интересная „Миловидная“ беседка на обрыве над бывшей Москвой-рекой“ и т. п.

Иногда можно догадаться, как напр., в последней фразе, что обрыв над бывшим руслом Москвы-реки, но что это за пьедесталы для гуляющей публики я и до сих пор понять не могу.

Смушает меня правильность названия фабрики ковров коверной, а не ковровой (стр. 11).

Досадна опечатка на стр. 32, где ученица Фальконета Мария Анна Колло получила фамилию Камго (стр. 32).

Повторяю, очерк читается с большим интересом и в авторе чувствуется энтузиаст, который из каждой мелочи может создать шедевр. Не портят книгу и отсылка к литографированному изданию по тому же Архангельскому, которое не может быть доступно всем читателям настоящего очерка и частые ссылки на „Рассказы бабушки“, источник, правда, обильный и интересный, но не всегда заслуживающий доверия.

П. Миллер.

О-во краеведения Сергиевского уезда.

Что такое краеведение и почему каждый должен ему помогать? (Листок на 4 стр.—Бесплатно.— Тираж 2.000 экз.).

Толково написанное обращение к населению без всяких выкриков, без всякой

подделки под кого бы то ни было, ставит вопрос о том, что такое краеведение, сообщает фактические сведения о краеведной работе в уезде и дает практические указания, как с этой работой связаться.

Определяется краеведение так: „Краеведением называется научное изучение края, т.е. уезда, губернии или области, силами местных людей, в этом крае живущих и работающих“. Определение ясное и в общем удачное, но может быть не достаточно полное. С одной стороны, ведь может быть краеведная работа в районе, значительно меньшем, чем уезд—в волости и даже в своем селе или деревне, а с другой стороны, в понятие краеведения, как бы ни был ограничен район работы, непременно входит в настоящее время и представление о связи с наукой вообще, и о комплексном изучении—и это бы не мешало оттенить решительнее, конечно, для понимающего дело все это может заключаться в словах „научное“ изучение. Но не для всех это ясно.

Различные указания в дальнейшем тексте сделаны очень удачно, начиная с обрисовки момента, в котором живет страна, заключая в себе далее очень толковое и живое изложение различных начинаний Об-ва (издания, исследования, монографическое изучение отдельной деревни, музея) и выяснение того участия, которое могут и должны бы принимать в работе крестьяне и рабочие. Конечно, все интересующиеся делом ознакомятся с листком. Он наверное найдет подражателей в других наших организациях. В упрек ему можно поставить отсутствие сведений об организациях волостного типа (в частности—о работе по Софринской волости), а также некоторую скудость фактических сведений. Можно было бы, не загружая основного текста, дать на страничке или на полустраничке не мало ценных сведений. Еще жаль, что нет никакого рисунка, внешность листка несколько мертва и убога. В дальнейшем следовало бы внести нечто новое и свежее в эту далеко не безразличную сторону дела пропаганды. Как к этому подойти—наверное выявит работа по составлению листков силами губернии (см. вып. № 3 „Московский Краевед“).

Д. Шаховской.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стран.</i>
Смидович, П. Г. О культурных задачах массового краеведения.	3
Миллер, П. Н. Первый в России стекольный завод XVII века.	7
Куфтин, Б. А. Изба „пряха“ и „непряха“ Московского края.	9
Колобов, В. М. К вопросу об изучении декоративных деталей крестьянского жилища.	14
Лысов, С. Е. Окраска тканей местными растениями крестьянским населением Ленинского уезда.	17
Иванов, Е. А. Геологический очерк р. Протвы в Московской губернии.	25
Кац, С. В. Два замечательных болота на севере Московской губернии.	35
Хроника. — Об организации краеведческого парка Моск. губ. П. А. Иванов и В. В. Алехин. — Краткий отчет о деятельности о-ва изучения Моск. губ. с 9/X 26 г. по 1/I 28 г.—В издательской комиссии о-ва. Ник. Дорогутин. — Словарь московских краеведов. П. Миллер. — Этнологический семинарий при кабинете краеведения. — Естественно-историч. совещание по Ц. П. О. Ю. Карпинский. — 2-я Московская конференция музейных работников. 19-20/III 28. И. Клабуновский. — Краеведческая конференция в г. Ленинске. М. Я. Феноменов. — Районное совещание краеведческих организаций западной части Моск. губ. Н. А. Шнеерсон — Из текущей работы музея Подольского края. К. Голосов. — Софринский волостной краеведч. кружок Сергиевск. у. С. И. Попов. — Открытие Кудиновского волостного музея. М. Феноменов. — Волостной музей в Лопасне Серпуховск. у. Б. Жаворонков. — Организационные выводы из семилетн. опыта краевед. работы опытной лаборатории Главнауки в Лосиноостровском. А. А. Котов. — Работы института Рыбного хозяйства Моск. губ. В. Мейснер. — Археологическ. исследов. в районе р. Клязьмы. А. Ф. Дубынин. — Археологические раскопки близ ст. Икша. С. В. Кисилев. — Археологические раскопки в Можайск. у. в 1927 г. Н. Власьев.	47
Библиография. Рецензии: К. П. Сперанского, Н. С. Елагина, А. П. Левицкого, А. К. Даниловой, Я. С. Артюхова, П. Н. Миллера, Д. И. Шаховского.	75

ИЗДАНИЯ Общества Изучения Московской губернии.

И. А. Здановский.—Каталог рек и озер Московской губ. С прилож. гидрограф. карты (6 лист.), масштаб 6 в. в дюйме. 96 стр. М. 1926 г. Ц. 3 руб.

А. А. Борзов, проф.—Краткая программа для описания рек и речных долин Моск. губ. 16 стр. М. 1926 г. Ц. 40 коп.

И. А. Здановский.—Составление географического словаря Московской губ. (программа). 7 стр. М. 1926 г. Ц. 15 коп.

Программы и инструкции по монографическому обследованию деревни. 20 стр. Л. 1927 г. Ц. 25 коп.

Подворная карточка.—14 стр. 20 коп.

М. С. Швецов.—Краткий очерк геологического строения Каширского уезда. 33 стр. с рис. М. 1928 г. Ц. 50 коп.

О. П. Булич.—Коломна, пути исторического развития города. Общий очерк. 94 стр. с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. Луцихин.—Программа по обследованию и учету полезных ископаемых. 12 стр. М. 1928 г. Ц. 15 коп.

Н. С. Тюнин.—Краткая программа обследования лесов местного значения. **В. О. Недельский.**—Анкета по учету оврагов, песков. 10 стр. М. 1928 г. Ц. 10 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. I. 74 стр. с рис. М. 1927 г. Ц. 75 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. II. 107 стр. с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб.

„Московский Краевед“.—Вып. III. 67 стр. М. 1928 г. Ц. 65 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. IV. 79 стр. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

Д. П. Сырейчиков.—Определитель растений Московского Края. 294 стр. с рис. М. 1928 г. Ц. 3 руб.

„Московский Край в его прошлом“.—Сб. 128 стр. М. 1928 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Московский Краевед“.—Вып. V.

„Московский Краевед“.—Вып. VI.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Москва, 9, Моссовет, Губплан, О-во
Изучения Московской губернии. Тел. 5-45-10.

1970 Н.

Цена 75 коп.